

Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого. Две части. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого. Две части. В. Г. Белинский Г-н Полевой сделался драматистом совершенно нечаянно. Если б в то время, когда издавал он свой «Московский телеграф», в котором с такою энергиею и таким одушевлением преследовал и уничтожал бездарность и посредственность, если б, говорим мы, в то время кто-нибудь сказал ему, что некогда он будет писать «драматические представления», – то, думаем, такое предсказание почел бы он за обыкновенную выходку оскорбленной и самолюбивой посредственности, которая не хочет, да если б и хотела, – не может верить в других продолжительности и неизменности возвышенных убеждений. Другими словами: он принял бы этих предсказателей за тех людей, которые, с лукавою усмешкою, всегда говорят пылкому юноше, презиравшему пошлыми житейскими проделками и порывающемуся к осуществлению высшего идеала жизни: «А вот погоди, упрыгаешься – не то запоешь; мы сами не хуже тебя горячились в свое время, да вот угомонились же и взялись за ум!» Пылкая юность обыкновенно презирает такими предсказаниями, но втайне они сердят ее и обдают холодом, заставляющим содрогаться. Увы! назло пылкой юности, слова этих предсказателей не совсем вздор и ложь, или, лучше сказать, редко, очень редко вздор и ложь... Нечто вроде этой горькой мысли так ловко и занимательно было развито самим г. Полевым в его без всяких претензий написанной статейке: «Три дня в двадцати годах» (сцены из обыкновенной человеческой жизни, в разговорах представленные; см. «Новый живописец общества и литературы, составленный Николаем Полевым». Москва, 1832, часть III, стр. 119); вот содержание этой примечательной статейки. Несколько задушевных друзей, за бутылкою вина, мирно беседуют о высокой цели жизни, о высоком смысле их дружбы. «Мы, – говорит один из них, – осмеливаемся причислить себя к людям, отличным Зевеса любовью; нам должно прожить не только не делая зла: это участь толпы! – нет, для нас впереди завидная судьба: действовать и быть полезными другим тем, что дала нам мать-природа и общая дружба наша, освященная заветом на прекрасное и великое; все мы в одно время вступили в свет: дадим же руку и поклянемся жить для ближних!» На эту восторженную речь восклицают все другие: «Клянемся!» Оратор продолжает: «И да будет тот наказан общим всех нас презрением, кто изменит клятве! Не я изменю, ей первый...» – И не я, и не я! повторяют все другие. Приятельская беседа эта происходит накануне разъезда друзей по разным дорогам жизни. Один из них – поэт и литератор; он читает отрывки из своих стихотворений, говорит об успехе своих статей: о Лагарповом разборе «Заиры», о нелепости английской драмы и о преимуществе «Россиады» перед «Генриадою»{1}. Другого из них метят друзья в великие полководцы, третий сам смотрит великим дипломатом. Вот, через десять лет после этого вечера, друзья опять собираются; но это уже не те пылкие молодые люди, с которыми мы познакомились в первый вечер, назад тому десять лет... Один из них мизантроп и клянет себя, как за слабость, за остаток любви к людям; другой не бережет своего здоровья, говоря, что «не для чего»; все чувствуют, что отстали от века, выжили из таланта; действительность поколотила мечты юности их, и они недовольны жизнью, недовольны друг другом, пересушивают, упрекают один другого в слабостях, недостатках и ошибках. Еще через десять лет один из них уже сделался «его превосходительством», двое других подличают в его передней, а третий безуспешно хлопочет у своего превосходительного друга по делу сироты, сына одного из их друзей, которого хотят ограбить друзья же отца его, – и о местечке с пустым жалованьем для другого сироты, сына умершего в доме умалишенных лучшего друга из этого кружка друзей.

Это решительно лучшее из всех «драматических представлений» г-на Полевого, ибо в нем отразилось человеческое чувство, навеянное думою о жизни; а между тем г. Полевой написал его без всяких претензий, как безделку, которая не стоила ему труда и которую прочтут – хорошо, не прочтут – так и быть! Какая же мысль этого «драматического представления»? Она ясна и без пояснений; но у нас есть своя мысль на этот предмет, – мысль, по нашему мнению, достойная того, чтоб какой-нибудь поэт взял ее в основание целой драмы или целого романа: «Юность есть огонь и свет жизни; каждый человек по-своему бывает раз в жизни юн; но один сохраняет юность до двадцати лет, другой до тридцати, третий до сорока и так далее; немногие избранники провидения совсем не знают старости и цветут юностью под снегом волос дряхлой старости».

Гордое презрение к посредственности – одно из свойств юности; оно происходит из любви к высокому и истинному, из внутреннего ясновидения идеала высшей жизни. Довольство тем, что есть, без требования того, чего еще нет, но без чего не для чего жить, примирение с окружающею действительностию, терпимости

Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого. Две части. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
посредственности – вот первые страшные предшественники наступающей старости. Кто окупается в омут жизни, кто привыкнет к житейскому, прозаическому, мелочному и посредственному – до того, что с убеждением и самодовольством возьмет в нем свою роль и, как успеху, рад будет ей: тот уже старик, хилый старик! Тускнеют его дряхлые очи и сквозь покрывшую их мутную влагу не могут рассмотреть ничего юного и великого: оно возбуждает в них только кропотливое ворчание, которым означается порицание всего нового и похвала всему старому! Отнимается у них даже светлое воспоминание о их невозвратно погибшей юности, и они называют безумством гордые помыслы и благородные порывы своих юных лет; они помнят в них только сильный аппетит да крепкий сон; они хвалят свое время не за то, что было в нем безусловно прекрасного, а за то только, что оно было их время... «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое, ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге – не поднимете потом! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаст назад она! Могила милосерднее ее, на могиле напишется: здесь погребен человек! но ничего не прочитаешь в хладных, бесчувственных чертах бесчеловечной старости!» [1] Но мы, заговорясь о посторонних предметах, отделились от предмета нашей статьи – «Драматических сочинений и переводов» г. Полевого. Читателям должно быть известно наше о них мнение. Г-н Полевой в своем «Послесловии», приложенном к концу второй части «Драматических сочинений и переводов», говорит между прочим:

За немногими исключениями, которые приемлю с глубокою признательностью, все, что можно сказать об Александрах Анфимовичах Орловых и «подобных ему» писаках, было обо мне сказано критиками. Они находили, что даже самый род драматических пьес моих ложный; что они коцебятина (извините: выражение критиков!); что они доказывают безвкусие, безграмотность; что я обобрал в моих драматических сочинениях Шекспира, Гете, Шиллера, Мольера, Вольтера, Дюма, В. Гюго, В. Скотта, Озерова, Кукольника и – право, не помню, кого-то еще!

Не принадлежа к числу критиков, на которых так горько жалуется г. Полевой, мы смело можем сказать, что в их обвинениях нет ни правды, ни толка и что в то же время и сам г. Полевой не совсем прав в том, что говорит в выписанных нами словах своего «Послесловия». Во-первых: зачем ему принимать с глубокою признательностью немногие исключения по части критических отзывов в пользу его «драматических представлений»? Если их хвалили, то, надо полагать, за то, что находили их достойными похвалы: какой же автор обязан благодарностию (да еще и глубокою!) критику, который, находя его сочинения хорошими, не называет их дурными? По нашему мнению, авторы благодарят критиков только за пристрастные похвалы или за снисхождение, которое для гордой юности позорнее всякой брани. Потом: критики, которые равняли г. Полевого с Александром Анфимовичем Орловым и находили в его драмах безвкусие, безграмотность и бессмыслие, – «наелись грязи», как выражается один татарский критик{2}. Мы, напротив, думаем, что г. Полевой в своих драмах несравненно выше, чем А. А. Орлов в своих романах{3}, и что в драмах г. Полевого есть немножко и вкуса, много грамотности, и смысл везде налицо. Но вот в том-то и беда наша, что мы не любим посредственности; она для нас хуже бездарности! Притом же мы так уважаем в лице г. Полевого бывшего журналиста, что нам неприятно видеть его чем-то средним между г. Кукольниковым и г. Ободовским (много ниже первого и мало выше второго) и главою разных драматистов, с успехом подвизавшихся на сцене Александринского театра. Потому же самому нам неприятно, что его в том же театре вызывает та же публика, которая вызывает и г. Зотова, и г. Коровкина, и многих других того же разбора сочинителей. По нашему мнению, не должно дорожить такими рукоплесканиями, такими вызовами, такою славою... Далее: неправы критики, называя род «драматических представлений» г. Полевого ложным: ибо прежде всего это совсем не род, а так, бог знает что такое... Еще: неправ г. Полевой, почему-то почитая слово «коцебятина» неприличным и извиняясь в нем перед публикою. Коцебятина – то же, что у французов, например, *marivaudage*: [2] первое означает род и характер драматических пьес Коцебу, второе – комедий Мариво. Наконец, неправы критики, утверждая, что г. Полевой обирал, в своих «драматических представлениях», Шекспира, Гете, Шиллера, Мольера, Вольтера, Дюма, В. Гюго, Озерова и г. Кукольника, Правда, в любви Нино и Вероники (в «Уголино») г. Полевой сделал пародию на «Ромео и Юлию» Шекспира; в своей «Елене Глинской» г. Полевой перепародировал «Макбета» Шекспира, а часть «Кенильворт» В. Скотта; но писать пародии на великие создания великих поэтов и обирать их – это совсем не одно и то же; критики решительно неправы в этом случае! Что касается до Мольера, г. Полевой переделал (и то с кем-то вдвоем) «*Malade imaginaire*» [3] и не думал скрывать этого; но переделка – дело законное и ничего общего с литературным обирательством не имеет! Что же касается до Гете, Шиллера, Вольтера, Дюма, Гюго,

Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого. Две части. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Озерова и Г. Кукольника, – то едва ли критики обвиняли Г. Полевого в похищениях у этих писателей. Правда, Г. Полевой иногда сталкивался с Г. Кукольниковым в некоторых театральных эффектах, но это потому, что les beaux esprits se rencontrent... [4].

Описав злонамеренность критиков, Г. Полевой говорит, что он «в течение пяти лет имел честь удостоиться за пятнадцать пьес драгоценного ему одобрения зрителей петербургских и московских». Против этого мы не спорим: здесь публика нашла по себе сочинителя, а сочинитель нашел по себе публику; обе стороны одна другую довольны, обе поняли одна другую – зрелище приятное и умиленное! «Две только пьесы заслужили осуждение публики, справедливое во всех отношениях», – прибавляет Г. Полевой с редкою в наш развратный век скромностью и беспристрастием к самому себе.

«Так поступила со мною критика,
Так поступила со мною публика,
Чем решить такое противоречие?»

Вопрос глубокомысленный! Есть над чем поломать голову даже Парижской Академии наук! Что же касается до нас, – не смеем и думать, чтоб наших сил стало на решение вопроса такой важности.

Далее, Г. Полевой говорит, что собирает свои пьесы вместе в ожидании окончательного приговора. «Критикам (прибавляет он) доставится средство осудить повально то, что они осуждали в разбой».

Каламбур! И еще какой – его стало бы на целый водевиль!

Странно, однако ж, как все изменяется в сем тревожном мире: Г. Полевой, некогда критик строгий, резкий и для многих страшный, теперь так же скромно протестует против неугомонности критиков, как некогда, когда он сам был критиком, множество сочинителей протестовало (и также тщетно) против него... И неужели драматические труды князя Шаховского, каковы бы ни были они, уж до такой степени ниже «драматических представлений» Г. Полевого?.. А ведь едва ли кто о самом А. А. Орлове или об известном знаменитом его сопернике{4} говорил такие вещи, какие в старину говаривал Г. Полевой о князе Шаховском по поводу его драматических пьес...{5}

Интересно, как высказывает Г. Полевой свое мнение о собственных «драматических представлениях»: это драгоценные черты для будущего биографа Г. Полевого! «Мать семейства (говорит он) смело может причислить мои драматические сочинения к библиотеке своего семейного чтения, и наградою моею будут ее слеза и ее улыбка» (стр. 17). Да, правда, тысячу раз правда! Тут и сама зависть к славе Г. Полевого охотно согласится, что эта награда столько же принадлежит ему, как и Б. М. Ф(Ѳ)едорову.

Мать дочери велит его читать!{6}

Лестная награда для великого писателя!.. Увы, этой награды не удостоились из чужих: ни Гомер, ни Дант, ни Сервантес, ни Шекспир, ни Байрон, ни многие другие, а из наших: ни Пушкин, ни Гоголь, ни Лермонтов!..

Трудно было бы следить за критическою оценкою Г. Полевого собственных его пьес; заметим только, что «Параша» – его любимая пьеса, что день ее представления был счастливейшим днем его жизни, что успех ее был необыкновенный и что она послужила темою опере Г. Струйского, также заслужившей внимание знатоков...

Выписываем вполне заметку Г. Полевого о «Солдатском сердце» – она в высшей степени замечательна:

«Солдатское сердце». Основание взято из события в жизни известного литератора, Ф. В. Булгарина. Находясь в военной службе и бывши в Финляндии, в юности своей он спас несчастного, ложно обвиненного в предательстве, и через много лет потом имел наслаждение слышать благодарность сына за сохранение жизни отца. По особенным обстоятельствам, пьеса моя была принята довольно холодно; но я печатаю ее, потому что никакие частные отношения не сильны победить мое убеждение там, где я по совести считаю себя правым, если воздаю достойному достойное. Итак, пьеса Г. Полевого «Солдатское сердце» трижды замечательна: во-первых, тем, что сюжет ее сообщен сочинителю Г. Булгариным и Г. Полевой написал ее по рассказу Г. Булгарина; во-вторых, тем, что, по особенным обстоятельствам, она

Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого. Две части. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
была довольно холодно принята; в-третьих, потому что никакие частные отношения не помешают г. Полевому воздавать достойному достойное.

Александр Македонский завидовал Ахиллу, что этот герой имел такого певца своих подвигов, как Гомер: {7} сколько же героев позавидуют теперь г. Булгарину!..

А какая черта великодушия со стороны г. Полевого это «Солдатское сердце»! Никакие отношения... слышите ли: никакие отношения? то есть ни «писатели с огородным прозвищем», ни «квасники, самоучкою выучившиеся грамоте»!.. [5] Подлинно, когда два достойные сочинителя поймут друг друга, то из гусака судиться не будут, как Иван Иванович с Иваном Никифоровичем в повести Гоголя!..

Комедию «Мнимый больной», водевили «Чересполосные владения» и «Он за все платит» и комедию «Ужасный незнакомец» г. Полевой печатать не хочет и даже кается в них как в литературных грехах. Он сам говорит, что «Ужасный незнакомец» ужасно хлопнулся при первом представлении и что «не все то годится на сцену, что нравится в чтении». Из этого видно, что г. Полевому «Ужасный незнакомец» правился в чтении.

Переделывая его для сцены (продолжает г. Полевой), я полагал, что пьеска будет забавна, но увидел, что ничего бессвязнее и неуклюжее не может быть. Сидя в углу ложи, обшканный автор, философически разрешал я (подлинно, истинный философ – везде и во всяком случае верен своему призванию!) задачу об условиях и требованиях сцены, когда занавес опускался при общем весьма гармоническом шиканьи зрителей. – После того, месяца через два, написал я «Парашу-сибирячку». Гениальная черта – не смущаться падением и восставать после него так высоко, что уж и спрыгнуть вниз страшно!..

А жаль, очень жаль, что г. Полевой не хочет печатать «Чересполосных владений», «Он за все платит» и «Ужасный незнакомец». Этак – чего доброго! – он, пожалуй, не напечатает и «Комедии о войне Федосьи Сидоровны с китайцами». Мы вообще против неполных изданий великих писателей, особенно против пропусков того из их сочинений, что сами они, по авторской скромности, считали безделками: ибо если в безделках часто заговаривается писатель, то проговаривается человек... Говоря о «Трех днях в двадцати годах», мы намекали, что составляло некогда пафос (страсть духа) г. Полевого: так любопытно же будет потомству знать, в чем потом заключался пафос сочинений г. Полевого, чтоб тем легче могло оно сравнить, чем он был прежде и чем стал после... В безделках писатель искреннее, больше нараспашку, больше человек, тогда как в сочинениях, которые он считает важными, он словно в мундире, весь – осторожность... Впрочем, «Комедия о войне Федосьи Сидоровны с китайцами» совсем не безделка: это решительно самое поэтическое, самое национальное и самое патриотическое произведение г. Полевого. Напечатайте его, г. Полевой, непременно напечатайте, – а мы уж приложим старание – разберем...{8}

Сноски

1

«Мертвые души», стр. 244.

2

вычурный слог (фр.). – Ред.

3

«Мнимого больного» (фр.). – Ред.

4

великие умы сходятся (фр.). – Ред.

5

См. «Литературные и журнальные заметки»: «Русская журналистика и капустные кочерыжки» («Отечественные записки», т. XXIV, «Смесь», стр. 131).

Комментарии

1

Речь идет о «Комментариях к Вольтеру» Лагарпа (1814). «Россияда» – поэма М. М. Хераскова, «Генриада» – поэма Вольтера.

2

О. И. Сенковский, одним из псевдонимов которого был Тютюнджи-Оглу.

3

Имя А. А. Орлова для многих его современников, в том числе и для Белинского, было символом бездарного писателя. Между тем среди многочисленных произведений Орлова есть такие, которые заслуживают и большего внимания, и более снисходительной оценки. Среди них в первую очередь следует назвать его книгу «Моя жизнь, или Исповедь. Московские происшествия Александра Орлова» (М., 1832), многие страницы которой предвосхищают темы демократической литературы середины века. Об А. А. Орлове см.: А. Корнеев. Оправданный Пушкиным. – «Неделя», 1976, № 19(843).

4

Речь идет о Булгарине и о статьях Пушкина о Булгарине и А. А. Орлове: «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце Г. Булгарина и о прочем».

5

В рецензии на драму А. А. Шаховского «Двумужница» («Московский телеграф», 1833, № 3).

6

Неточная цитата из надписи «К портрету М. Н. Муравьева» И. И. Дмитриева.

7

См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания, «Александр», XV.

8

Отзыв Белинского об этой комедии см.: Белинский, АН СССР, т. VI, с. 397.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!